

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И СЕМЬИ*

А.В. Махнач

Махнач Александр Валентинович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН (г. Москва).

Контактный адрес: a.makhnach@psychol.ras.ru

В статье анализируется концепция жизнеспособности человека и семьи в рамках социокультурного экологического подхода. Обосновывается новый для отечественной психологии термин «жизнеспособность человека». Представлена экологическая модель систем У. Бронфенбреннера в применении к семье, описывающая структуру ее окружения. В определении жизнеспособности семьи ведущим назван функционально-динамический принцип.

Ключевые слова: социокультурный (экологический) подход, модель развития У. Бронфенбреннера, жизнеспособность человека, жизнеспособность семьи, компоненты жизнеспособности, опросник «Жизнеспособность человека».

Актуальность исследований жизнеспособности человека, семьи, общества. Особенно детально жизнеспособность как понятие стало разрабатываться с 1970-х гг. в экологии систем, кибернетике. Постепенно концепции жизнеспособности утверждаются в качестве доминирующего дискурса в области управления системами, природными и человеческими ресурсами. Кибернетика по-прежнему играет роль в создании «нового языка», «переменных высокого порядка» исследований по жизнеспособности, отвечая на вопрос о том, как моделировать жизнеспособность, что может быть в некоторой степени выполнено путём изучения и проникновения в суть кибернетики [27]. Вместе с тем «наука нуждается в интердисциплинарной обобщающей теории жизнеспособности любых систем». Жизнеспособность систем стали рассматривать как «форму проявления активности и адаптивности системы» [13]. Концепция жизнеспособности быстро развивается в общественных и социальных науках, становясь метатеоретическим конструктом и регулярно являясь предметом исследования в международной и финансово-экономической политике, в анализе корпоративных рисков, в социальной психологии, здравоохранении, в разработке национального, регионального и городского планирования, национальной безопасности.

В экологических и экономических исследованиях с 70-х гг. XX в. в рамках концепции устойчивого развития, появившейся в результате объединения трёх основных точек зрения: экономической, социальной и экологической все чаще стали говорить о том, что эта концепция социально ориентирована. В этом случае возникает необходимость изучения природных систем обитания человека, понимания

экологии социальной среды, в которой он обитает, его жизнеспособности в этой среде. Известный философ и политолог Ф. Фукуяма не раз обращался к феномену жизнеспособности, описывая его как жизнеспособные альтернативы либеральной демократии, сопоставляя их с авторитарными социальными системами с точки зрения их жизнеспособности [15: с. 31]. В научных публикациях последних лет рассматриваются различные подходы к теоретическому обоснованию термина «жизнеспособность» во многих областях знания, несмотря на тот факт, что это понятие первоначально было разработано и применяется в физике материалов. В настоящее время оно наиболее активно разрабатывается в биологии, философии, экологии, социальных науках.

Психологи, нуждающиеся в теоретическом осмыслении жизнеспособности как системного свойства человека, попытались ассимилировать результаты исследований, проведённых в разных науках. Отечественные психологи и учёные других социальных дисциплин разрабатывают это понятие относительно недавно П.Н. Шихирев высказал в связи с подобными ситуациями следующее соображение: «Как обычно это бывает, после утверждения определённого термина (или категории) начинается борьба за его трактовку той или иной дисциплиной, а внутри неё – за преимущественное право интерпретации тем или иным направлением» [16: с. 17]. По нашим наблюдениям и анализу отечественной литературы можно с уверенностью сказать, что психология проигрывает в этой «конкуренции» за термин представителям многих наук: социологии, философии, экономике. Это заметно по отсутствию исследований жизнеспособности в области психологии развития, которой в западной литературе традиционно посвящён огромный пласт не только теоретических исследований жизнеспособности, но

* Исследование проводится при финансовой поддержке РФГФ (проект № 14 06 00737).

и большие кросскультурные, когортные, лонгитюдные исследования в психологии развития, позитивной психологии [20; 23; 24; 29; 35; 37; 41; 48; 54].

Термин «жизнеспособность» (*resilience*) буквально переводится как гибкость, упругость, эластичность, устойчивость (к внешним воздействиям) и как способность быстро восстанавливать здоровое физическое и душевное состояние. В 2003 г. нами был предложен перевод на русский язык термина «*resilience*» как «жизнеспособность» в докладе на встрече экспертов международной рабочей группы по проекту «Методологические и контекстуальные проблемы в исследовании детской и подростковой жизнеспособности: международное сотрудничество в исследовании психического здоровья детей и подростков, находящихся в группе риска». Было отмечено, что в русском языке не существует адекватного научного термина, за которым стоит следующее содержание: способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все внутренние и внешние ресурсы, способность к жизни во всех ее проявлениях, базирующейся на стремлении к жизни. Тогда же был нами предложен термин «жизнеспособность человека», который имел указанное выше содержание. Позже этот термин нами был уточнен [8; 36], а также стал использоваться в наших исследованиях жизнеспособности семьи [10; 11]. В отечественной научной переводной литературе этот термин переводится по-разному, мы же считаем, что английский термин «*resilience*» в русском языке наиболее полно отражает понятие «жизнеспособность».

Экологический подход в исследованиях жизнеспособности человека. Теоретическим основанием исследований жизнеспособности человека является социокультурный экологический подход в изучении детского развития [21], суть которого в междисциплинарном объяснении процессов социализации человека. Г. Крайг, назвала модель развития У. Бронфенбреннера «возможно, самой влиятельной на сегодняшний день моделью человеческого развития» [4: с 96]. В экологической модели, описывающей структуру окружения ребёнка и предложенной У. Бронфенбреннером в 1977 г., выделяются в качестве основных сфер человеческого развития на всем его протяжении четыре следующих контекста: *семейный, социальный, культурный и исторический* [21]. И в этом теория Бронфенбреннера созвучна основным постулатам культурно-исторической концепции психического развития Л.С. Выготского.

Несмотря на то, что экологическая модель У. Бронфенбреннера была разработана для изучения развития детей, ее применение в исследованиях на других возрастных группах также успешно осу-

ществляется. Например, в русле экологического подхода проходят исследования в психологии среды (*environmental psychology*), в которых изучаются влияния различных физических свойств окружающей среды на жизнеспособность человека и адаптацию его поведения к этим влияниям [44]. Многие современные исследования психологии семьи также базируются на экологическом подходе У. Бронфенбреннера: в них изучается семья в самых разных экологических условиях, в которых она функционирует [22; 42; 50].

Согласно социокультурному экологическому подходу У. Бронфенбреннера, развитие человека – это динамический процесс, идущий в двух направлениях. Человек постоянно испытывает воздействие со стороны различных элементов окружающей его среды и в то же время сам активно реструктурирует свою многоуровневую жизненную среду. По Бронфенбреннеру, экологическая среда ребёнка, влияющая на его развитие, представляет собой четыре взаимосвязанных системы, которые были названы им микросистемой, мезосистемой, экзосистемой и макросистемой [21].

Микросистема как первый уровень экологической модели всегда состоит из людей, непосредственно окружающих ребёнка. У. Бронфенбреннер указывает, что взаимосвязями двух или более микросистем (например, дворовая компания, семья, дети из детского сада) образуется второй уровень – *мезосистема*. Две разные микросистемы могут вступать в противоречия, так как культура каждой микросистемы – разная. Например, семья находится в конфликте с родственниками по линии матери, родителям подростка не нравятся его товарищи во дворе. Бронфенбреннер утверждает, что на детское развитие, происходящее в мезосистемном пространстве, оказывает огромное влияние свойственная этой системе культура.

Экзосистема формируется социальной средой или общественными структурами, которые находясь вне сферы непосредственного опыта индивида, тем не менее, влияют на него. Например, конфликт на работе отца и вероятность его сокращения являются значимыми для семьи и тем самым для существования ребёнка. Постоянные изменения требований в системе школьного образования влияют на работу учителей, что сказывается на положении ребёнка в школе.

Макросистема не ограничивается только социальным окружением ребёнка и состоит из правил, законов, негласных и гласных норм проживания в обществе, традиций и культуры в целом.

Несмотря на то, что развитие человека происходит во всех четырёх системах модели, У. Бронфенбреннер отводил главную роль развитию на уровне макросистемы, т.е. на формирование жиз-

ненных ценностей, законов, традиций, культуры. По его мнению, это происходит потому, что макросистема обладает способностью воздействовать, оказывает формирующее влияние на все другие системы. Особую роль в его подходе играет активность человека, благодаря которой он реструктурирует под себя свою многоуровневую жизненную среду [21].

Рассуждая о роли жизнеспособности человека с позиции экологической теории У. Бронфенбреннера, обратим внимание на принципиально важную характеристику жизнеспособности – активность, лежащей в основе развития человека. Жизнеспособность рассматривают как одну из базовых характеристик проявления субъектности, поскольку она предполагает высокую социальную активность личности, направленную на преобразование внешней природной и социальной среды и на формирование самого себя в соответствии с заданными целями [2], при этом *активность* самого человека рассматривается в качестве одного из факторов развития [14]. Ранее классик японской литературы С. Нацумэ даёт точное и глубокое определение понятию «развитие»: это способ, которым проявляет себя стремление человека жить. В этом протекающем во времени процессе, в развитии или проявлении жизнеспособности человека С. Нацумэ различает две его разновидности. Первый по своей природе активен, второй – пассивен. *Активный* способ выражения жизнеспособности человека означает трату энергии, *пассивный* – её сохранение. Оба этих различных и несочетаемых рода человеческой деятельности формируют процесс развития человека [12]. И.М. Ильинский также обращает внимание на все те же четыре контекста, выделенные У. Бронфенбреннером, и также отводит главную роль активности человека в формировании жизнеспособности. По его мнению, жизнеспособность – это способность человека (поколения) выжить, не деградируя, в «жестких» и ухудшающихся условиях социальной и природной среды, развиться и духовно возвыситься, воспроизвести и воспитать потомство, не менее жизнеспособное в биологическом и социальном планах [3]. В этом определении можно увидеть все выделяемые У. Бронфенбреннером контексты экологического подхода: *семейный, социальный, культурный и исторический*. Задача жизнеспособной личности – стать индивидуальностью, преобразуя при этом в своих интересах среду обитания, не разрушая и не уничтожая её (*социальный, культурный¹ контексты по Бронфенбреннеру*). Жизнеспособность предполагает высокую социальную активность личности (поколения), направленную на преобразование внешней природ-

ной и социальной среды и на формирование самого себя в соответствии с заданными целями. В социокультурном плане жизнеспособность проявляется в том, насколько личность и поколение отвечает насущным запросам общества на данном историческом этапе (*культурный и исторический контексты*) и насколько они могут взять на себя ответственность за его будущее [3]. Также в другом исследовании обращается внимание на факторы защиты, к которым относят социальное окружение, социальные институты, события (*социальный, семейный, культурный контексты*), способствующие нормальному психическому развитию вопреки факторам риска [14: с. 13–14].

Изучение жизнеспособности человека в рамках теории У. Бронфенбреннера может проходить в нескольких направлениях: а) в оценке жизнеспособности человека с позиций систем, в которые он включён непосредственно или опосредовано; б) в разработке необходимых целевых приоритетных воздействий, программ, мероприятий, способствующих развитию, формированию, поддержанию жизнеспособности; в) в оценке жизнеспособности человека, возникающей в связи с этими воздействиями по повышению ее уровня в случае стихийных бедствий, стресса, конфликтов и т.п. Интересно, что чаще всего жизнеспособность человека изучается *post hoc*, когда уже есть последствия влияния тех или иных факторов риска. Исходя из результатов этих влияний, делается предположение (часто ретроспективно) о том, что тот или иной фактор риска был для данного человека слишком сильным и что фактор, способствующий жизнеспособности, не оказался защитным. По нашему мнению для полного понимания влияний факторов риска и защитных факторов, все контексты: *семейный, социальный, культурный и исторический* необходимо включать в оценку жизнеспособности человека.

Подводя итог относительно исследований жизнеспособности человека в рамках экологической теории, отметим, что: 1) жизнеспособность чаще изучается в условиях воздействия на него стихийных бедствий и реального воздействия фактора риска; 2) понятие жизнеспособности систематически уточняется, эта характеристика человека рассматривается как черта или как процесс; 3) измерение жизнеспособности по-прежнему активно обсуждается и прежде всего на методологическом уровне; 4) теория У. Бронфенбреннера позволяет описать моделирование и оценку жизнеспособности в разнообразных масштабах; 5) существует уже достаточно много исследований, в которых используется эта теория для исследования жизнеспособности [19]. По Бронфенбреннеру развитие индивида происходит в четыре ранее названных контекста. Поэтому в психологических исследованиях

¹ Вставки курсивом в цитаты из И.В. Ильинского (2001) и Л.А. Рёгуш (2006) мои – А.М.

последних лет закономерен происходящий процесс концептуализации термина «жизнеспособность человека» преимущественно в русле теории экологических систем У. Бронфенбреннера. В этом процессе акцент на философию экологического бытия позволяет расширить понимание феномена жизнеспособности от узкого детерминированного теми или иными факторами защиты и риска до системной характеристики человека. Экологическому подходу близко, по нашему мнению, понимание системы по П.К. Анохину, согласно которому комплекс избирательно вовлечённых компонентов, взаимодействие и взаимоотношения принимают характер *взаимосодействия* компонентов на получение фокусированного полезного результата [1].

В современных психологических исследованиях жизнеспособности человека делается акцент на четырёхаспектной экологической модели [53]. В каждом аспекте жизнеспособности, согласно этой модели, исследуется соотношение ресурсов человека, сильных сторон его личности, потенциала и воздействий «социально токсичного окружения» [30]. Четырёхаспектная модель жизнеспособности включает в себя следующие аспекты, которые во многом перекликаются с контекстами (*семейный, социальный, культурный, исторический*) по Бронфенбреннеру и характеризуют жизнеспособность подростков и молодёжи [36; 52; 54]:

– *черты личности и индивидуальные характеристики* подростка, в том числе, установки;

– *отношения*, включающие характеристики отношений со сверстниками, членами семьи, отношение к родительской заботе;

– *общество и государство*, включающие оценку отношения к школе, возможности получить образование, проведения досуга, ощущения безопасности в стране;

– *культура*, включающая ее принятие/отторжение, в которой подросток живёт, отношение к неформальным молодёжным движениям (субкультура).

В русле четырёхаспектной экологической модели проводятся наши исследования [5; 6; 8; 9; 10; 11; 36], в которых в жизнеспособности взрослого человека мы выделили шесть взаимосвязанных ее характеристик – самооффективность, настойчивость, совладание и адаптацию, внутренний локус контроля, духовность, семейные/социальные взаимоотношения, названные многими исследователями определяющими [33; 34; 39; 46]. Все шесть характеристик могут быть сведены к четырем аспектам жизнеспособности человека. Вышеперечисленные аспекты: личностные характеристики, социально-психологические переменные внешнего контекста (культура, социальная поддержка, вера, образование и пр.) все вместе формируют и поддерживают жизнеспособ-

ность человека. Также важно отметить, что экологическая теория У. Бронфенбреннера является ярким примером социальной модели (модели здоровья) жизнедеятельности человека. Она связана с существующими в обществе ценностями, в том числе и в области научных исследований, которых придерживается научное сообщество. В рамках *социальной модели* (модели здоровья) происходит реализация полноты жизни и взаимоотношений, что сопоставимо с определением жизнеспособности человека [7]. По мнению автора, изучение жизнеспособности на протяжении ряда лет проходило в рамках медицинской модели и только с начала XXI в. исследования проводятся в рамках социальной модели, в частности в экологической модели У. Бронфенбреннера. В последнее время в социальных моделях жизнеспособность человека стала рассматриваться как его индивидуальная способность идти по своему пути к ресурсам здоровья и социума культурально приемлемым способом [20; 59]; обращается внимание на активную созидательную роль человека в создании экологически здорового социального окружения.

Существующее состояние проблемы измерения жизнеспособности человека в отечественной и зарубежной психологии определило наш научный интерес к созданию опросника «Жизнеспособность человека». Потребность в таком опроснике чрезвычайно высока, так как ни одна из разработанных в западной психологии методик исследования жизнеспособности не переведена и не адаптирована на российской выборке. Даже за рубежом опросников, измеряющих жизнеспособность взрослых, крайне мало. Поэтому в результате анализа мнений экспертов, изучающих жизнеспособность разными методами (опросники, наблюдения, беседы и др.) и выделивших ряд ее компонентов, мы пришли к выводу, что тест оценки жизнеспособности взрослых должен измерять следующие ее характеристики: самооффективность, настойчивость, совладание и адаптацию, внутренний локус контроля, семейные/социальные взаимоотношения, духовность. В соответствии с этим в тест «Жизнеспособность человека» были включены следующие шкалы:

• *Самооффективность* как компонент жизнеспособности состоит из ожиданий и представлений субъекта, его веры в способность мобилизовать мотивацию, когнитивные ресурсы, действовать, влияя на событие адекватной самооценкой, верить в эффективность в достижении желаемых целей [17; 38].

• *Настойчивость*. Рассматривается как проявление упорства, живучести, самодисциплины индивида, желание продолжить борьбу за восстановление баланса, активно вовлекаясь в разработку новых целей, планов, если их первоначальные варианты не оказались успешными [28; 56]. В этот

конструкт входит понятие «жизнестойкость» (*hardiness*), которое связано с последовательными усилиями человека по достижению цели, способностью видеть изменения как вызов для его развития.

• *Внутренний локус контроля* – как характеристика жизнеспособности связана с восприятием индивидом своей возможности влиять на окружение и ход жизни в будущем. Внутренний локус контроля показывает насколько индивид верит в то, что он инициатор всего и ответственен за все случившееся в его жизни [46]. Жизнеспособные индивиды, имеющие выраженный внутренний локус контроля, способны находить позитивные решения для самих себя и других. Индивиды, которые считают, что они могут влиять на обстоятельства собственной жизни и личные результаты, чаще подходят к неблагоприятным событиям их жизни с жизнеспособными стратегиями.

• *Совладание* – это когнитивные и поведенческие стратегии, используемые индивидом для управления потребностями в неблагоприятных условиях, тогда как *адаптация* – это процесс приспособления к изменяющимся или неблагоприятным обстоятельствам. Жизнеспособные индивиды более уверены в том, что они могут успешно совладать с неблагоприятными условиями, чаще используют стратегии, направленные на решение проблем. Стратегии совладания с кризисом включают в себя эмоциональную регуляцию и саморегуляцию, мысли, аффективные реакции, поведение или контроль внимания [32]. Саморегуляция позволяет людям регулировать их целенаправленную деятельность во времени, при изменении условий и контекстов. Это имеет решающее значение для развития компетенций, начиная с раннего детства [23; 37]. Эмоциональная регуляция также является важным элементом адаптивного поведения и совладания, а следовательно – жизнеспособности [24].

• *Семейные/социальные взаимосвязи* – наиболее важный компонент жизнеспособности человека. Межличностные связи, по мнению многих исследователей, являются источником его эмоциональной поддержки и основанием жизнеспособности. В сложных ситуациях для сохранения своей жизнеспособности человек обращается к семье в поисках понимания и поддержки. Наряду с индивидуальными компонентами жизнеспособности, характеристики семьи или близкого окружения могут способствовать развитию жизнеспособности человека. Они включают в себя позитивные методы воспитания, связь с родителями, низкий уровень конфликтности между родителями, родительский контроль, участие родителей в жизни ребёнка (подростка, юноши), ясные модели семейного общения, последовательность в заботе и дисциплина [60].

• *Религиозная вера или духовная жизнь* человека представляет собой ещё один компонент жизнеспособности, отражающий уровень духовного и нравственного развития личности, его экологии. Жизнеспособность человека, связанная с верой и исполнением религиозных обрядов, снижает, например, уровень рабочего стресса у сотрудников, у которых не происходит профессионального выгорания [33].

Таким образом, в рамках экологического подхода нам представляется достаточным выделение следующих взаимосвязанных компонентов жизнеспособности человека: настойчивость, самоэффективность, совладание и адаптация, внутренний локус контроля, семейные/социальные взаимоотношения, духовность, положенные в основу разработанного нами теста «Жизнеспособность человека».

Экологический подход в исследованиях жизнеспособности семьи. О роли семьи в формировании жизнеспособности человека стали говорить последние два десятка лет, когда появились исследования о взаимовлиянии индивидуальной жизнеспособности каждого члена семьи и жизнеспособности семьи в целом. В *определении жизнеспособности* семьи мы выделяем её функционально-динамический принцип, при котором жизнеспособность семьи рассматривается как её способность к управлению семейными функциями, процессами (совладания, восстановления и пр.), базирующимися на её ресурсах, внешних и внутренних защитных факторах. По нашему мнению, жизнеспособную семью отличает её умение активно использовать свои ресурсы на всех уровнях, обращаться и оперировать теми ресурсами, которые адекватны в той или иной сложной ситуации и обеспечивают различные стратегии совладания, позволять семье адаптироваться к условиям, изменяться самой и, в конечном итоге, развиваться [11]. Важным в изучении феномена жизнеспособности семьи является следующее: она не должна интерпретироваться через поведение отдельных членов семьи, так как жизнеспособность семьи это не просто результат агрегации актов взаимодействия, поведения жизнеспособных членов семьи. В оценке жизнеспособности семьи необходимо анализировать её развитие и/или потенциал развития в каждом из выделяемых контекстов. И в связи с этим – в рамках экологического подхода к развитию семьи её жизнеспособность как системная характеристика должна детерминировать изучение условий, при которых семья становится жизнеспособной. Также важно исследовать те способы воздействия на эту системную характеристику семьи, при наличии которой семья в любых неблагоприятных условиях остаётся жизнеспособной.

В семье эмоциональная близость между членами семьи и их умение поддерживать отношения с родителями на протяжении всей жизни является мощным предиктором жизнеспособности человека [47; 58]. Было обнаружено, что наличие тёплых отношений даже с одним родителем смягчает последствия других рисков и стрессогенность неблагоприятных жизненных событий для человека [18; 47; 55]. Высокий уровень разногласий между родителями предсказывает более высокий уровень асоциального поведения и невысокий уровень саморегуляции у подростков и молодых людей, проживающих в полных семьях [51]. По мнению ряда авторов, взаимосвязь между депрессией, склонностью к зависимостям – с одной стороны, и достижениями, автономностью личности – с другой, определяется многими факторами, но среди них особенно выделяется фактор позитивных взаимоотношений в семье [43]. Жизнеспособность индивида может оказывать сильное влияние на семейные процессы [57], а семьи также сами по себе имеют признаки жизнеспособности [45]. Для L.D. McCubbin, H.I. McCubbin определяющими характеристиками жизнеспособности семьи являются понятия «адаптация» и «приспособление». Они рассматривают жизнеспособность как часть семейного развития «успешной адаптации после травмы, если нет катастрофических условий для семьи» [41: с. 28]. Именно успешность или неуспешность адаптации после травмы позволяет различать жизнеспособные и нежизнеспособные семьи. Жизнеспособные семьи находят свой путь через ситуационные трудности, могут «справиться с ними, корректировать свою жизнь, адаптироваться, и даже процветать». В противоположность этому, нежизнеспособные семьи более легко становятся «исчерпанными». Защитные факторы могут увеличить просоциальное поведение и жизнеспособность семьи в условиях воздействия кризиса или стресса, обеспечивая стабильную, но гибкую и благоприятную среду, которая дает «стабильность, гармонию и рост членов семьи» [41: с. 31]. Плохо функционирующее семейное окружение приводит к появлению симптомов стресса, депрессии, тревоги и общей неспособности справляться с проблемами. С точки зрения семейных систем, семья, являясь саморегулирующейся системой, взаимодействует с большими общественными, социальными, экологическими системами. Способность «отскочить назад и преобразоваться» требует целого ряда компетенций в области общения, эмоций, отношений в обществе. Согласно ещё одному определению, жизнеспособность семьи «...описывает путь, которому следует семья, когда она адаптируется и живёт в условиях стресса как в настоящем времени, так и в целом. Жизнеспособные семьи реагируют на условия стресса своими уникальными способностями,

в зависимости от контекста, уровня развития, сочетанием факторов риска и защитных факторов, имея общую перспективу» [31: с. 293].

Как и жизнеспособность индивида, жизнеспособность семьи является временным и культурно-специфическим феноменом, который может изменяться с течением времени, так как семьи постоянно сталкиваются с различными проблемами и жизненными событиями. На индивидуальном уровне семья может проявлять жизнеспособность в одной области функционирования, не имея её в другой. Например, культура и этническая идентичность может усиливать жизнеспособность семьи. Принадлежность к определённой культуре является «...источником стабильности и поддержки, способом борьбы с проблемами повседневной жизни» [41: с. 32]. Жизнеспособность семьи выходит за пределы простого предотвращения результатов негативных воздействий социальной среды [26]. Она влечёт за собой адекватную или более чем адекватную адаптацию семьи к жизненным невзгодам. M. Rutter утверждает, что жизнеспособность является результатом успешного сотрудничества с риском, а не уклонения от риска [47]. Многие исследователи считают вслед за ним, что жизнеспособность возникает только с появлением риска и неблагоприятных событий в семье [25; 35; 37]. H. McCubbin и его коллеги были одними из первых, которые задали вопрос: Что жизнеспособность значит для семьи? Они уточнили определение жизнеспособности семьи, описав два происходящих в ней процесса: 1) приспособление, в котором семья опирается на защитные факторы, заключающиеся в способности семьи «сохранить созданные ею модели функционирования и после того, как семья столкнулась с факторами риска. Эту способность они характеризуют как эластичность семьи; 2) адаптация, с помощью которой семья восстанавливается после травмы или стрессовых событий, вызывающих или требующих изменения в организации семьи. Свойство восстанавливаться было названо непотопляемостью. Эти процессы были определены как фазы развития жизнеспособности семьи и положены в основу разработанной ими Модели жизнеспособности в условиях семейного стресса, приспособления и адаптации [40]. Во многом, как и транзактная теория развития, эта теория рассматривает развитие как результат взаимодействия генетических, биологических, психологических и социологических факторов семьи в контексте своей экологической среды [29]. Согласно этой теории компетентность в решении проблем на одном из этапов развития не позволяет прогнозировать такую же компетентность на более поздних этапах развития путём линейной детерминации. Скорее всего, компетентность на определённом

этапе помогает человеку адаптироваться к окружающей среде и подготовить необходимые компетенции для следующего периода [49]. Развитие всегда будет включать в себя опору на предшествующий опыт адаптации и те события, которые происходят в жизни в настоящий момент, тем самым влечёт за собой непрерывность процесса развития. В свою очередь эта преемственность развития всегда влечёт за собой изменение. Авторы компетентного подхода во взаимоотношениях от раннего детства до периода взрослости [48] рассматривают вложение одного контекста развития в другой как развитие ряда важных функций человека. Основную функцию в этом исполняют родители, сверстники, братья и сёстры, являясь составляющими *семейного* контекста развития человека [29; 49]. В своем подходе в исследованиях семьи А. Sroufe и его школа базируются на экологической теории У. Бронфенбреннера. Акцент на контекст отношений и экологический (в самом широком смысле) контекст развития в жизнеспособности семьи отражает суть этого подхода. Жизнеспособность семьи развивается с течением времени и в контексте множества влияний на это развитие, может меняться в зависимости от изменений в самом контексте [48], в этом отражается *социальный и исторический* контексты развития экологической теории. В исследованиях в рамках этого подхода часто подчёркивается важность изучения семьи, ее подключение к институциональным ресурсам общества, социальным сетям; это есть ни что иное как, *социальный контекст развития*.

Таким образом, экологическая модель Бронфенбреннера в приложении к семье будет выглядеть следующим образом. Её микросистема состоит из непосредственно окружающей семью среды. На уровень мезосистемы относим те связи, которые имеет семья с другими такими же семьями – микросистемами (родственники, другие семьи). Семья как микросистема и взаимосвязи её с другими микросистемами (в целом – мезосистема) включены в экзосистему развития с её событиями и проявлениями, которые имеют косвенное воздействие на микросистему семьи (например, экономические факторы). Макросистема развития семьи охватывает политические, исторические, культурные и другие факторы, под действием которых находится вся семья в целом. И в случае экологически дружественного окружения семьи (социального, культурного, экономического и т.п.) ее перспектива будет включать развитие в каждом из следующих контекстов: семейном (на микросистемном уровне), межсемейном (на мезосистемном), социальном (на экзосистемном) и культурном, историческом (на макросистемном уровне).

Заключение

Исследования последних лет жизнеспособности человека стали приобретать междисциплинарный характер: жизнеспособность человека стали рассматривать как артефакт, как его индивидуальную способность идти по своему пути к ресурсам здоровья и социума культурально приемлемым способом, обращая внимание на активную созидательную роль человека в создании экологически здорового социального окружения.

В рамках экологического подхода к исследованию жизнеспособности человека считаем необходимым в ней выделять следующие компоненты: настойчивость, самоэффективность, совладание и адаптацию, внутренний локус контроля, семейные / социальные взаимоотношения, духовность. Для изучения этих компонентов жизнеспособности человека нами был разработан тест «Жизнеспособность человека».

Очевидно, что современные исследования жизнеспособности человека и семьи с акцентом на экологический контекст отражают актуальный интерес социальной психологии, в рамках которой изучение жизнеспособности семьи как малой группы становится все более востребованным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин, П.К. Философские аспекты теории функциональных систем / П.К. Анохин // Избранные труды. – М., 1978.
2. Бабочкин, П.И. Студент как субъект учебно-воспитательного процесса в вузе [Электронный ресурс] / П.И. Бабочкин // Знание. Понимание. Умение». – 2008. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/babochkin/> (дата обращения 12.03.2014).
3. Ильинский, И.М. Молодёжь и молодёжная политика. Философия. История. Теория / И.М. Ильинский. – М. : Голос, 2001.
4. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – 9-е изд. – СПб. : Питер, 2005.
5. Лактионова, А.И. Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков : дис. ... канд. психол. наук / А.И. Лактионова. – М., 2010. – 187 с.
6. Лактионова, А.И. Особенности жизнеспособности и социальной адаптации подростков / А.И. Лактионова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 2 (38). – С. 107–115.
7. Махнач, А.В. Социальная модель как парадигма исследований жизнеспособности человека / А.В. Махнач // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 2 (38). – С. 46–53.
8. Махнач, А.В. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / А.В. Махнач, А.И. Лактионова ; отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлёв. – М. : Институт психологии РАН, 2007. – С. 290–312.
9. Махнач, А.В. Личностные и поведенческие характеристики подростков как фактор их жизнеспособности и социальной адаптации / А.В. Махнач, А.И. Лактионова // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. – № 5. – С. 67–82.

10. Махнач, А.В. Жизнеспособность семьи: психологические ресурсы как защитный фактор семьи / А.В. Махнач, Ю.В. Постылякова // Психологические проблемы современного российского общества ; отв. ред. А.Л. Журавлёв, Е.А. Сергиенко. – М. : Институт психологии РАН, 2012. – С. 529–550.
11. Махнач, А.В. Модель жизнеспособности семьи / А.В. Махнач, Ю.В. Постылякова // Психологические исследования проблем современного российского общества ; под ред. А.Л. Журавлёва, Е.А. Сергиенко. – М. : Институт психологии РАН, 2013. – С. 438–460.
12. Нацумэ, С. Развитие современной Японии [Электронный ресурс] / С. Нацумэ ; ред. А. Гуревич. – 2002. – Режим доступа: <http://www.asahi-net.or.jp/~IR4N-KHR/nskaikaw.html> (дата обращения 30.04.2014)
13. Разумовский, О.С. Проблема жизнеспособности систем / О.С. Разумовский, М.Ю. Хазов // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 1. – С. 3–7.
14. Регуш, Л.А. Проблемы психического развития и их предупреждение (от рождения до пожилого возраста) / Л.А. Регуш. – СПб. : Речь, 2006. – 320 с.
15. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : Изд-во АСТ, 2004.
16. Шихирев, П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход / П.Н. Шихирев // Социальные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 17–32.
17. Bandura, A. Self-regulatory mechanisms governing the impact of social comparison on complex decision making / A. Bandura, F.J. Jourden // Journal of Personality and Social Psychology. – 1991. – V. 60 (6). – P. 941–951.
18. Bernard B. Fostering resiliency in kids: protective factors in the family, school and community / B. Bernard. – Portland, OR: Northwest Regional Educational Laboratory, 1991.
19. Bronfenbrenner's bioecological theory for modeling community resilience to natural disasters / H.J. Boon, A. Cottrell, D. King, R.B. Stevenson, J. Millar // Natural Hazards. – 2012. – V. 60. – P. 381–408.
20. Boyden, J. Children's risk, resilience, and coping in extreme situations / J. Boyden, G. Mann // Handbook for working with children and youth: Pathways to resilience across cultures and contexts / M. Ungar (Ed.). – Thousand Oaks: Sage Publications, 2005. – P. 3–26.
21. Bronfenbrenner, U. The ecology of human development / U. Bronfenbrenner. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. – 330 p.
22. Bronfenbrenner, U. Ecology of the family as a context for human development: Research perspectives / U. Bronfenbrenner // Developmental Psychology. – 1986. – V. 22. – № 6. – P. 723–742.
23. Buckner, J.C. Characteristics of resilient youths living in poverty: The role of self-regulatory processes / J.C. Buckner, E. Mezzacappa, W.R. Beardslee // Development and Psychopathology. – 2003. – V. 15. – P. 139–162.
24. Cicchetti, D. Developmental and psychopathology // Developmental psychopathology: Theory and method (2nd ed.). Vol. 1. / D. Cicchetti, D. Cohen (Eds.). – Hoboken NJ: Wiley, 2006. – P. 1–23.
25. Cicchetti, D. Perspectives on research and practice in developmental psychopathology // Handbook of Child Psychology. V. 4. Child Psychology in Practice (5 ed.). / D. Cicchetti, S. Toth; W. Damon, I.E. Siegel, K.A. Renninger (Eds.). – N.Y.: John Wiley & Sons, 1998. – P. 479–583.
26. Cowan, P. Thinking about risk and resilience in families // Stress, Coping, and Resiliency in Children and Families / P. Cowan, C. Cowan, M. Schulz; E.M. Hetherington, E.A. Blechman (Eds.). – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1996. – P. 1–38.
27. Dijkstra, A. Cybernetics and Resilience Engineering: Can Cybernetics and the Viable System Model Advance Resilience Engineering? [Электронный ресурс] / A. Dijkstra // Proceedings of the Resilience Workshop. Vadstena, Sweden, 25–27 June 2007. – P. 23–29. – Режим доступа: <http://www.ep.liu.se/ecp/023/004/ecp2307004.pdf> (дата обращения 26.04.2014).
28. Grit: perseverance and passion for long-term goals / A.L. Duckworth, C. Peterson, M.D. Matthews, D.R. Kelly // Personality Processes and Individual Differences. – 2007. – V. 92 (6). – P. 1087–1101.
29. Egeland, B. Resilience as process / B. Egeland, E. Carlson, L.A. Sroufe // Development and Psychopathology. – 1993. – V. 5. – P. 517–528.
30. Garbarino, J. Raising children in a socially toxic environment / J. Garbarino. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1995.
31. Hawley, D.R. Toward a definition of family resilience: Integrating life-span and family perspectives / D.R. Hawley, L.G. DeHaan // Family Process. – 1996. – V. 35 (3). – P. 283–298.
32. Karoly, P. Mechanisms of self-regulation: a systems view / P. Karoly // Annual Review of Psychology. – 1993. – V. 44. – P. 23–52.
33. The role of religiosity in stress, job attitudes, and organizational citizenship behavior / E.J. Kutcher, J.D. Bragger, O. Rodriguez-Srednicki, J.L. Masco // Journal of Business Ethics. – 2010. – V. 95. – P. 319–337.
34. Luthans, F. Developing the psychological capital of resiliency / F. Luthans, G. Vogelgesang, P. Lester // Human Resource Development Review. – 2006. – V. 5. – № 1. – P. 25–44.
35. Luthar, S.S. The construct of resilience: a critical evaluation and guidelines for future work / S.S. Luthar, D. Cicchetti, B. Becker // Child Development. – 2000. – V. 71. – P. 543–562.
36. Makhnach, A. Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by the state, society, and the family / A. Makhnach, A. Laktionova // Handbook for working with children and youth. Pathways to resilience across cultures and contexts / M. Ungar (Ed.). – Thousand Oaks: Sage Publications, 2005. – P. 371–386.
37. Masten, A.S. Resilience in children threatened by extreme adversity: Framework for research, practice, and translational synergy / A.S. Masten // Development and Psychopathology. – 2011. – V. 23. – P. 493–506.
38. Competence in the context of adversity: pathways to resilience and maladaptation from childhood to late adolescence / A.S. Masten, J.J. Hubbard, S.D. Gest, A. Tellegen, N. Garnezy, M. Ramirez // Development and Psychopathology. – 1999. – V. 11. – P. 143–169.
39. Masten, A.S. Resilience in development / A.S. Masten, M. Reed // Handbook of positive psychology / C.R. Snyder, S.J. Lopez (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 74–88.
40. Families under stress: what makes them resilient / H.I. McCubbin, M.A. McCubbin, A.I. Thompson, S.V. Han, C.T. Allen // Journal of Family and Consumer Sciences. – 1997. – V. 89. – P. 2–11.
41. McCubbin, L.D. Culture and ethnic identity in family resilience: Dynamic processes in trauma and transformation of Indigenous people / L.D. McCubbin, H.I. McCubbin // Handbook for Working with Children and Youth / M. Ungar (Ed.). – Thousand Oaks: Sage Publications, 2005. – P. 27–44.

42. Meyers, S.A. Ecological correlates of family functioning / S.A. Meyers, S. Varkey, A.M. Aguirre // *The American Journal of Family Therapy*. – 2002. – V. 30. – P. 257–273.
43. Nietzel, M.T. Relationship of dependency and achievement/autonomy to depression / M.T. Nietzel, M.J. Harris // *Clinical Psychology Review*. – 1990. – V. 10. – № 3. – P. 279–297.
44. Oishi, S. Social ecology: lost and found in psychological science / S. Oishi, J. Graham // *Perspectives on Psychological Science*. – 2010. – V. 5. – P. 356–377.
45. Patterson, J.M. Integrating family resilience and family stress theory / J.M. Patterson // *Journal of Marriage & Family*. – 2002. – V. 64 (2). – P. 349–360.
46. Rotter, J.B. The development and applications of social learning theory / J.B. Rotter. – N.Y. : Praeger, 1982.
47. Rutter, M. Psychosocial resilience and protective mechanisms / M. Rutter // *American Journal of Orthopsychiatry*. – 1987. – V. 57. – P. 316–331.
48. Sroufe, L.A. Psychopathology as an outcome of development / L.A. Sroufe // *Development and Psychopathology*. – 1997. – V. 9. – P. 251–268.
49. Sroufe, L.A. Attachment and development: A prospective, longitudinal study from birth to adulthood / L.A. Sroufe // *Attachment & Human Development*. – 2005. – V. 7 (4). – P. 349–367.
50. Stormshak, E.A. An ecological approach to child and family clinical and counseling psychology / E.A. Stormshak, T.J. Dishion // *Clinical Child and Family Psychology Review*. – 2002. – V. 5. – № 3. – P. 197–215.
51. Tiet, Q.Q. Predictors of resilience among inner city youths / Q.Q. Tiet, D. Huizinge, H. Byrnes // *Journal of Child and Family Studies*. – 2010. – V. 19. – P. 360–378.
52. Studying resilience across cultures / M. Ungar, S.E. Clark, W-m. Kwong, A. Makhnach, C.A. Cameron // *Journal of Ethnic and Cultural Diversity in Social Work*. – 2005. – V. 14. – № 3/4. – P. 1–19.
53. Ungar, M. The International Resilience Project: A mixed-methods approach to the study of resilience across cultures / M. Ungar, L. Liebenberg // *Handbook for working with children and youth: Pathways to resilience across cultures and contexts* / M. Ungar (Ed.). – Thousand Oaks: Sage Publications, 2005. – P. 211–226.
54. The study of youth resilience across cultures: Lessons from a pilot study of measurement development / M. Ungar, L. Liebenberg, R. Boothroyd, W.M. Kwong, T.Y. Lee, J. Leblank, L. Duque, A. Makhnach // *Research in Human Development*. – 2008. – V. 5. – № 3. – P. 166–180.
55. Vitaro, F. Influence of deviant friends on delinquency: Searching for moderator variables / F. Vitaro, M. Brendgen, R.E. Tremblay // *Journal of Abnormal Child Psychology*. – 2000. – V. 28. – P. 313–325.
56. Wagnild, G. Development and psychometric evaluation of the resilience scale / G. Wagnild, H. Young // *Journal of Nursing Measurement*. – 1993. – V. 1 (2). – P. 165–178.
57. Walsh, F. Strengthening family resilience / F. Walsh. – 2nd ed. – N.Y.: Guilford Press, 2006.
58. Werner, E.E. Vulnerable but invincible: A study of resilient children / E.E. Werner, R.S. Smith. – N.Y. : McGraw-Hill, 1982.
59. Wong, P.T.P. Beyond stress and coping: The positive psychology of transformation / P.T.P. Wong, L.C.J. Wong, C. Scott // *Handbook of multicultural perspectives on stress and coping* / P.T.P. Wong, L.C.J. Wong (Eds.). – N.Y. : Springer, 2006. – P. 1–28.
60. Resilience as cumulative competence promotion and stress protection: Theory and intervention / P.A. Wyman, I. Sandler, S. Wolchik, K. Nelson // *The promotion of wellness in children and adolescents* / D. Cicchetti, R.P. Weissberg (Eds.). – Washington, DC: CWLA Press, 2000. – P. 133–184.